

* * *

Художественное совершенство само по себе мило его, — но мило в ком из современников он это видел, разве что в позднем Пастернаке. Раннего — отрицал: «логичная темная речь Пастернака» (определение из статьи 1937 год). Молодому поэту Андрею Сергееву советовал присмотреться к военным и послевоенным стихам Бориса Пастернака, где уже нет «норочитости».

«Суммируя разговоры, могу сказать, — вспомнил позже А. Сергеев, — что из современных поэтов Зболоцкий ценил некоторые стихи Мертвых и даже читал их вслух. Хорошо отзывался он и о Слуцком. Зато Ахматову отрицал: по утверждениям ленинградских приятелей, она к кому в

* (Окончание. Нечто в журнале «Гостиный Дворь» № 8, 10)

з столье отк з лся поднять з неё бок л, якобы пробормот в при этом: «Б б хорошо не н пишет!» Видимо, острые язычки потом довели это ворч ние до логического конц , приписыв я З болоцкому уже иронический фoризм: “Куриц не птиц , б б не поэт”. Впрочем, к стих м поэтесс он, действительно, был холоден... Ахм товой, конечно, переск з ли слов З болоцкого, и он пл тил ему ответным непризн нием. О стих х П стерн к сороковых-пятидесятых годов З болоцкий говорил не то с восхищением, не то с ув жением. Из личного общения у них вряд ли что могло получиться. Помню слов Никол я Алексеевич :

— Шкловский и П стерн к всегд говорят т к сумбурно, что хочется попросить их повторить ск з нное.

С м Никол й Алексеевич говорил к к по пис ному».

К слов м А. Сергеев для полноты к ртины следует доб вить, что из современников нр вились З болоцкому стихи П. Семьин н , А. Т рковского и «немногих других», к к сообщ ет Н. Н. З болоцкий, доб вляя н счёт П стерн к , что отец «в своих честолюбивых мечт х только ему готов был уступить первенство в современной поэзии».

Ю. Колкер н чин ет свою ст тью о З болоцком с утверждения, что тот «чит л себя “вторым поэтом XX век ” (после П стерн к ; без оглядки н то, что век ещё не з кончен)» и что «с этим м ло кто

сейч с согл сится». Из контекст этой цит ты следует, что з бр нные в к вычки слов о «втором поэте XX век » прин длеж т с мому З болоцкому, — одн ко где, когд Никол й Алексеевич это пис л или же говорил? Ни сын поэт , ни Колкер источник не ук зыв ют, — мне же, н пример, нигде не встретилось д же н мёк н т кое.

Н. Роскин пишет, что к П стерн ку З болоцкий относился бл гоговейно, к к к с мой поэзии. «Помню, к к он осторожно р скрыл книжку, под ренную ему П стерн ком, любовным движением вынул из неё з писочку и пок з л мне из своих рук. П стерн к пригл ш л обед ть и просил з хв тить “Безумного волк ”».

З годы зн комств Никол й Чуковский отметил, к к менялось отношение его тов рищ к стих м П стерн к . Пон ч лу З болоцкий их не любил и первыми оценил переводы. «Я помню, к к в конце сороковых годов мы были с ним у П стерн к в гостях. П стерн к прочёл н м несколько гл в из “Доктор Жив го” и несколько стихотворений, припис нных его герою. З болоцкий был добр, вним телен, любопытен, но я видел, что всё это произвело н него не слишком большое впеч тление. <...> В последние годы своей жизни он относился к П стерн ку с бл гоговением — и к его личности, и ко всему, что П стерн к пис л».

Бл гоговейно — это вполне понятно. Но вот н счёт первенств в

поэзии XX век (р зумеется, русской поэзии)? Т же Роскин , которой, пол г ю, можно доверять, пишет:

«<...> что к с ется поэзии — тут он никогда не призн в л ничьего превосходств д же в с мых ч стных вопрос х. (курсив мой — В. М.) Уступить, вернее сдел ть вид, что уступил, он мог только из вежливости. Если он спр ши в л моё мнение о к ком-нибудь своём стихотворении, и я позволял себе выск з ть отриц тельное суждение об одной строчке или слове, он хмурился и возр ж л: “Почему тебе не приходит в голову, что это недост ток твоего восприним ющего шп р т ?”».

Никит З болоцкий свидетельствует, что отец «против обыкновения» сохр нил з писку П стерн к и хр нил её в под ренной ему книге, котор я стоял н почётном месте в книжном шк -фу. Стихи из «Доктор Жив го» (позже он прочёл и весь ром н в рукописи) З болоцкий переписыв л себе в тетр дь и особенно восхищ лся «Рождественской звездой», относя её к вершин м мировой лирики.

12 вгуст 1953 год чет З болоцких обед л у П стерн ков, другим гостем был Симон Чиков ни. Никол й Алексеевич прочёл хозяину дом «Безумного волк » и несколько новых стихотворений, з служив его похв лу.

Впоследствии Борис П стерн к н редкость обр зно отозв лся о стих х З болоцкого: «Когд он чит л свои стихи, мне пок з лось, что он р звесил по стен м

множество к ртин в р мк х, и они не исчезли, ост лись висеть...»

Очень скоро появил сь ещё одн к ртин — точнее ск з ть, мед льон с пор зительно точным портретом.

ПОЭТ

*Чёрен бор за этим старым
домом,
Перед домом — поле да овсы.
В нежном небе серебристым
комом*

*Облако невиданной красоты.
По бокам туманно-лиловато,
Посредине грозно и светло, —
Медленно плывущее куда-то
Раненого лебедя крыло.
А внизу на стареньком балконе —
Юноша с седой головой,
Как портрет в старинном
медальоне*

*Из цветов ромашки полевой.
Щурит он глаза свои косые,
Подмосковным солнышком
согрет, —
Выкованный грозами России
Собеседник сердца и поэт.
А леса, как ночь, стоят*

*за домом,
А овсы, как бешеные, прут...
То, что было раньше незнакомым,
Близким сердцу делается тут.*

1953

Новой большой р ботой З болоцкого в эти годы ст л полный перевод поэмы Руст вели «Витязь в тигровой шкуре». Изучение подстрочник , консульт ции с грузинскими филолог ми, переговоры с изд тельством — всё

это потребовало поездок в Грузию, — тем временем здоровье поэта ухудшилось: болело сердце, снизилось зрение. График же его огромного по объёму труда был весьма напряжённым...

В середине сентября 1954 год З болоцкого св лил тяжёлый инф ркт. Дв месяц в постели, без движения...

18 ноября он писал к С. Чикумовни, который стал редктором его перевод :

«Я уже третий месяц в ляюсь больной. Теперь не чиню вставать и немного ходить. Рботы ещё не позволяют и, не верное, не позволят ещё долго. <...>

Извини за неряшливое письмо — пишу лёжа».

Восстановление от хвори шло медленно, про что говорят короткие письма к Чикумовни.

19 июля 1955 года:

«Я нынче не дче под Москвой, где рботую и понемногу поправляюсь. Всё ещё не могу поправиться кк следует, чему, впрочем, вредит рбота. Рботую больше, чем следует. А без рботы мне скучно».

30 августа 1955 года:

«Дорогой Симон!

Я стал хуже себя чувствовать, и поэтому пришлось поехать в санаторий до 25 сентября. Очень жалею, что так получилось; без меня тебе будет труднее договариваться о Руст вели. <...>

Я пока ехать в Грузию не могу. Ты, очевидно, много времени провести в Москве со мною тоже не сможешь. Может быть, тебе сейчас лучше взять из Гослитизда мою рукопись с собою, дом, в Грузии, сличить её с оригиналом, сделать свои заметки и закончить, с тем, когда у тебя будет время (через месяц-два), приехать в Москву и поработать здесь со мной. <...>

Моя рукопись вполне рботает, но до ещё порядочно поработать, так как есть много неточностей перевода. Но с моё сложное задание в том, что может быть подстрочник — и вот тут-то я без твоей помощи бессилён».

В начале 1956 года этот большой рбота был закончен, и в следующем году поэма Шот Руст вели, в роскошном издании, с прекрасными иллюстрациями, вышел в свет.

Семейная драма

Пришла очередь обраться к тому, в чём рботаться в принципе невозможно.

Есенин когда-то сказал о любовных чувствах:

Если тронуть страсти

в человеке,

То, конечно, правды не найдёшь.

Просто и верно. Этим правды, похоже, не знают даже смирнотерпцы, не то что люди со стороны.

Никите З болоцкому, кк биографу, пришлось сказать несколько

слов о том, что произошло с его родителями в середине пятидесятых годов. Н верное, нелегко ему это было сделать... Он вспоминает осень 1956 год, когда вместе с отцом и матерью был в Гурзуфе: можжевельник в Никитском саду, прогулку на глассере вдоль крымских берегов к «Пушкинскому гроту» — всё это вскоре вошло в образы отцовских стихов:

«В Москву муж и жена З болоцкие отпрыски вились порознь, 18 и 19 октября. В их семье наступило трагическое время разлада. Странно это было прозвучало — об тосковали друг без друга, но упрямо пытались создать себе какую-то другую жизнь, соединившись с другими людьми. Очень скоро об поняли, что из этого ничего не может получиться: слишком многое их связывало, слишком тяжёлые испытания выдержали их любовь в прошлом, слишком они были немолоды и любили друг друга».

И далее Н. Н. З болоцкий, стараясь быть отстранённо-объективным, излагает то, что завязалось в Беговой деревне запутанным узлом.

Сдружились по-соседски — домом — две писательские семьи: З болоцких и Гроссманов. Но вскоре прошёл лёгкий прудный хмель первого знакомства, отношения осложнились. «Разговоры с Гроссманом неизбежно обращались к тому предмету, который прудвлял странные душевные процессы З болоцкого и разрушались

трудом устновившееся равновесие, необходимое для жизни и работы поэта. И он отключаясь продолжал подобного рода беседы».

Что это значит в переводе с объективного языка предметный? Вильям Семёнович прудспршивал Николая Алексеевича не просто так, мягко говоря, из писательской корысти: он прудболел и прудромом, и ему нужен был материал для образцов одного из главных персонажей — бывшего заключённого. Сем Гроссман не сидел,

тут З болоцкий — клдезь, так сказать, лагерного опыта. Но поэт, чем дльше, тем больше замыкался. Мало, что таккие беседы прудвили ему душу, — он всерьёз опускаясь за себя и за семью: политический режим ведь никуда не делся, он лишь поотпустил вожди... (Кстати, то, что З болоцкий не прудсказал о своей лагерной судьбе Гроссману, прудвел ему чуть позже, во время совместной жизни, Ектерин Вильевна, которой муж прудсказывал всё, и это за тем благополучно вошло в роман «Жизнь и судьба» за долго до того, как вышли в свет воспоминания смого З болоцкого о заключении.) Потом всё усугубилось тем, что Ектерин Вильевна не смог остаться «равнодушной к силе ума, таланту и мужскому обаянию Гроссмана». Того же «<...> особенно трогали душевная чуткость и прудположение Ектерины Вильевны, её готовность прийти на помощь

всякий раз, когда он нуждается в моральной поддержке».

Насмену встречам во время семейных застолий пришли прогулки вдвоём «где-нибудь в Нескучном саду» или просто по городским улицам.

«Николай Алексеевич видел, что дружеские отношения его жены и Гроссмана перерастают в более глубокое чувство. Сначала, уверенный в преданности жены, он не очень беспокоился, но, вероятно, в первые месяцы 1956 года понял, что опасность движется на него с той стороны, с которой он менее всего её ждал. Женщины признались ему, что влюблены в Гроссмана. Зболоцкий потребовал от неё прекратить всякие встречи с Василием Семёновичем, но выполнить это требование оказалось нелегко. Всегда послушный воле мужа Ектерин Вильевна проявил твёрдость и сказал, что в её отношениях с Гроссманом нет ничего предосудительного и порвать их он не может.

Возникшая как-то двойственная, неопределённая ситуация была для Зболоцкого невыносима. В конце концов, после тяжёлых объяснений с женой в Крыму и сразу после возвращения в Москву, он объявил, что так жить не может и что ему нужно уехать. Пусть Ектерин Вильевна уходит к Гроссману, она идёт себе другую жену».

Всё это — сюжет, пересказ, иначе говоря — проза. А насчёт мом

деле и муж, и жена испытали глубокое внутреннее потрясение.

Арсений Тарковский говорил: «Проснул с женщиной в пятьдесят лет!» Юрий Колкер глядит глубже: «Но что же случилось с Ектериной Вильевной? Уйти от мужа, едва опривившегося от инфаркта? От человека, которому вся жизнь была посвящена? Что же, он в одиночестве перестал быть “лучшей из женщин”, “неломхарнителем”? Нет, конечно. Просто в сердечных делах он был ещё большим младенцем, чем Зболоцкий, и попался в первую же ловушку. Не ведая, что творит».

До прорыва с Ектериной Вильевной Зболоцкий не писал любовных стихов, — правда, в молодости он сочинял некие послания к «предметам» своих увлечений, но вряд ли это были полноценные художественные произведения, потому что поэт вскоре потребовал их из жизни и уничтожил. Николай Чуковский называл их рктер Зболоцкого «целомудренно-скрытным»: его друг никогда не говорил о личном. Изметил: «Нужна была терпедия, нужна была нестерпимая боль, чтобы преодолеть эту скрытность, чтобы вынудить его разрушить стоном это принудительное молчание». Страннее вернее всего высекет поэзию...

*Принесли букет чертополоха
И на стол поставили, и вот*

*Предо мной пожар и суматоха
И огней багровых хоровод.
Эти звёзды с острыми концами,
Эти брызги северной зари
И гремят и стонут бубенцами,
Фонарями вспыхнув изнутри.
Это тоже образ мироздания,
Организм, сплетённый из лучей,
Битвы неоконченной пыланье,
Полыханье поднятых мечей.
Это башня ярости и славы,
Где к копыту приставлено копьё,
Где пучки цветов, кровавоглавы,
Прямо в сердце врезаны моё.
Снилась мне высокая темница
И решётка, чёрная, как ночь,
За решёткой — сказочная птица,
Та, которой некому помочь.
Но и я живу, как видно, плохо,
Ибо я помочь не в силах ей.
И встаёт стена чертополоха
Между мной и радостью моей.
И простёрся шип клинообразный
В грудь мою, и уж в последний раз
Светит мне печальный
и прекрасный
Взор её неугасимых глаз.*

(«Чертополох», 1956)

Никто, конечно, не «приносил» и не ставил на стол букет из колючего сорняка. Можно предстать вить крымскую осень, горные тропы, заросшие по обочинам кустами пылющего чертополоха. Бредущему по тропе поэту он казался образом прорыва, режущей сердце рзлуки...

Тогда же складываясь первый и последний у Зболоцкого

цикл любовной лирики «Последняя любовь».

Ещё в Крыму, объясняясь с женой, ему повсюду чудились образы рсствения.

*На сверкающем глассере белом
Мы заехали в каменный грот,
И скала опрокинутым телом
Заслонила от нас небосвод.*

<...>

*Под великой одеждою моря,
Подражая движеньям людей,
Целый мир ликованья и горя
Жил диковинной жизнью своей.
Что-то там и рвалось, и кипело,
И сплеталось, и снова рвалось,
И скалы опрокинутой тело
Пробивало над нами насквозь.*

<...>

(«Морская прогулка», 1956)

...Тут надо бы вернуться на два года назад, чтобы лучше понять то состояние, в котором находился Зболоцкий. Странные испытания гегя (эти муки तक и не оставили его до конца) и непомерный упорный труд по восстановлению благополучной жизни семьи не прошли даром. Евгений Львович Шварц, конечно, любил друга, но и видел издержки его характера. Говорил ли ему прямо об этом? Вряд ли, скорее молчаливо. Иначе не появились бы в его «Дневнике» такие записи:

«<...> А Николай Алексеевич стал опять охватывать психозы с моужения. То выгляет

из него К рлуш Миллер, то вятский мужичок н возу, не отвеч - ющий, что привёз н рынок, по з г дочным причин м. Бог с ним. Без этого с моув женя не одо - лел бы он ни “Слово”, ни Руст - вели и не н пис л бы множеств великолепных стихотворений.

Но когд , полный не то жре - ческой, не то чуд ческой н дмен - ности, вещ л он нечто, подобное тому, что “женщины не могут лю - бить цветы”, испытыв л я чувство неловкости. А К терин В сильев - н только улыб л сь спокойно. Прид в л этому ровно столько зн чения, сколько следов ло. И всё шло хорошо, но вот в один несч стный день потерял созн - ние Никол й Алексеевич. Дом , без всякого видимого повод . Пил много с тех пор, к к жить ст ло полегче. Приех л “неотложн я помощь”. Вспрыснули к мфору. А через полч с или ч с — новый прип док. Сердечный. Приех л профессор, который уже мно - го дней спустя призн лся, что у Никол я Алексеевич н чин л сь гония и что не н деялся он бед - нягу отходить. К рдиогр мм уст новил инф ркт».

Имея в виду З болоцкого, Шв рц призн ётся:

«Углов тость гени льных лю - дей ст л меня отт лкив ть. Он может и чуд чествов ть, и пропо - ведов ть д же методично, упор - но своевольнич ть: жизнь его и гени льность его сним ют с него вину. Стр д ния его сним ют с него вину».

Вр чи сп сли поэт ; жен с - моотверженно вых жив л боль - ного муж . Ангел, дней моих хр нитель — н зв л он её в з ме - ч тельном стихотворении «Бег - ство в Египет» (1955). Т к оно и было. Е. Шв рц в том же «Днев - нике» ост вил чудесный портрет её души; столь же высоко отзы - в лись о Ек терине В сильевне и многие другие. Т к Никол й Чу - ковский пис л, что он был гото - в р ди муж н любые лишения, н любой подвиг. «По кр йней мере, т ков был её репут ция в н шем кругу, и в течение мно - гих-многих лет он подтвержд л эту репут цию всеми своими по - ступк ми».

Он т кже з метил: «<...> в пред нности К терины В сильев - ны было д же что-то чрезмер - ное. Никол й Алексеевич всегд ост в лся бсолютным хозяином и господином у себя в доме. Все вопросы, связ нные с жизнью семьи, кроме мельч йших, реш - лись им единолично. <...> К терин В сильевн никогд не протестов л и, вероятно, д же не д в л советов. Когд её спр ши - в ли о чём-нибудь, з ведённом в её хозяйстве, он отвеч л тихим голосом, опустив гл з : “Т к же - л ет Коленък ” или “Т к ск з л Никол й Алексеевич”. Он никог - д не спорил с ним, не упрек л его — д же когд он выпив л лиш - нее, что с ним порой случ лось. Спорить с ним было нелегко, — я, постоянно с ним споривший, зн л это по собственному опыту. Он

до всего доходил своим умом и з всё, до чего дошёл, держ лся крепко. И он не спорил .

Он пл тил ей з покорность с мой нежной, беспорной любовью. <...>

И вдруг он ушл от него к другому.

Нельзя перед ть его удивления, обиды и горя. Эти три душевные состояния обрушились н него не ср зу, по очереди, именно в т ком порядке. Сн ч л он был удивлён — до остолбенения — и не верил д же очевидности. Он был ош р шен тем, что т к м ло зн л её, прожив с ней три десятилетия в т кой близости. Он не верил, потому что он вдруг выскочил из своего собственного обр з , в ре льности которого он никогда не сомнев лся. Он зн л все поступки, которые он могл совершить, и вдруг в сорок девять лет он совершил поступок, б-солотно им непредвиденный. Он удивился бы меньше, если бы он проглотил втобус или ст л изрыг ть пл мя, к к др кон.

Но когд очевидность дел л сь несомненной, удивление сменилось обидой. Впрочем, обид — слишком сл бое слово. Он был пред н, оскорблён и унижен. А человек он был с моллобивый и гордый. Бедствия, которые он претерпев л до тех пор, — нищета, з ключение, не з дев ли его гордости, потому что были проявлением сил, совершенно ему посторонних. Но то, что жен , с которой он прожил тридц ть лет, могл предпочесть ему другого,

унизило его, унижения он вынести не мог».

З полгод до этого З болоцкому позвонил незн ком я женщин : зв нн я одн жды в гости, где он должен был чит ть стихи, он не сумел приех ть и очень ж лел об этом; просил при слу ч е д ть ей возможность побыв ть н его чтении. Поэт ответил, что сейч с чувствует себя плохо после инф ркт , но обещ л позвонить, к к попр вится. Любительниц поэзии вовсе не был уверен , что продиктов нный ею телефон вообще был з пис н. И вдруг звонок: «С в ми говорит З болоцкий. Р зрешите мне к в м приех ть». Он подум л : чей-то глупый розыгрыш. Ок з лось — нет.

Уже во вторую встречу, з рестор нным столиком, снов не очень трезвый, — он то и дело пил вино, — З болоцкий вдруг н пи с л ей н листке бум ги: «Я п. В. б. м. ж.». Конечно, он чит л «Анну К ренину» и легко понял , что речь о просьбе быть его женой. Вот, что пишет Н т лия Алекс ндровн Роскин в мему-рном очерке:

«”Простите, — ск з л я, — н сколько я зн ю, у в с есть жен ”. — “Он уходит от меня, — ответил он, и н его гл з х пок з лись слёзы. — Он полюбил другого”. — “А кто он?” — “Он тоже пис тель”. — “Хороший?” — глупо спросил я. — “Хороший. Ну, не очень хороший, но всё-т ки хороший. Если бы вы зн ли, к к я одинок!” Я молч л . “Подум йте. Прошу в с, подум йте”.

Времени “думать” у меня ок - злось мало. Каждый день он приезжал к мной, ему уже казалось, что он влюблён безумно.

Я был измучен этими вечерами в ресторане, после работы, его настойчивостью, вдохновлён его клятвами, его стихами».

Первым стихотворением, которое Зболоцкий ей посвятил, было «Письмо» — сумбурное и пылкое объяснение в чувствах, в художественном смысле — слабое. Поэт, конечно, это понимал и печатать не собирался. Позже сказал: «Я его хранить не буду, ты — сохрани».

Там есть строки, совершенно обидные, безщитные, простые, что ли...

Я — забытый ребёнок, забытый судьбой, позабытый в осеннем саду...

С большими страданиями столкнулся молодой человек: Зболоцкий к кому-то ей поведать, что советоваться с женой, собирать вещи вот-вот от него уйти, жениться ему не Роскиной или нет. По словам поэта, «Екатерина Васильевна была счастлива в себе от его решения, но потом, когда он дал ей прочесть одно моё сочинение (автобиографическую повесть о детстве, о смерти матери и гибели отца), он поверил, что я по крайней мере не как я-нибудь интуитик».

Роскин жил с восьмилетней дочерью в перенесённой коммуналке и не мог предвидеть, как житейски устроятся в дальнейшем

«столь разумные существования» всех, кто угодили в эту историю.

«Тут он мне сказал, к кому уходит от него жена. Это имя было мне хорошо знакомо. Вильям Семёнович Гроссман — близкий друг моего отца. Когда мой отец пропал без вести (и было ясно уже, что это означет), Вильям Семёнович отыскал мой адрес и прислал мне, тогда незнакомой ему четырнадцатилетней девочке, письмо, в котором спрашивался, не может ли он мне чем-нибудь помочь — деньги, книги. Тогда не поступил ни один из друзей моего отца, хотя их было много. После войны я был у Гроссмана и относился к нему с глубочайшим уважением и любовью. И Екатерина Васильевна лично стала мне симпатична — это чувство сохранилось навсегда».

Покорно всё кипело в сердцах пятиерых людей (Вильяму Семёновичу предстояло оставить жену Ольгу Михайловну), пока ещё по существу оставалось неопределённым, Николай Алексеевич стал всем говорить, что он женат на мне <...>».

Кроме «кипения сердец», у них не числились бытовые проблемы: бездомье, временные пристанища, хлопоты по устройству и налаживанию жизни и работы. Порой доходило до некоего: в декабре 1956 года, оформляя путёвки в Дом творчества в Милевке, Зболоцкий заявил фмиллиону новой жены. «Он позвонил по телефону из Литфонда мне и спросил: “Наталья, прости, как твоя фамилия?” — Я

спокойно ответил: «Моя ф-милля Роскин». — «Д, пр-вд. Я чувствов-л, что что-то не т-к. Я н-пис-л — Соркин». Все присут-ствов-вшие, конечно, хохот-ли, я в том числе. Не смеялся только С. А. М-к-шин. Он ск-з-л: «Н-фронт-е т-к женились». Фронт — близость гибели, к-к-я-то неисто-в-я спешность р-дости, к-кое-то безумное смешение горя и сч-стья — это и был-л душ З-болоцкого».

Поэт Арсений Т-рковский добродушно посмеив-л-ся н-д З-болоцким (впрочем, з-гл-з — чтобы не обидеть тов-рищ): «Н-шёл себе иудейскую девицу, он ок-з-л-сь премиленькой, и решил отвлечься». Понятно, всё было д-леко не т-к просто. З-болоцкий пыт-л-ся к-к-то сп-стись — и не мог. После М-леевки у них с Роскиной н-ч-лись ссоры и примирения, съезды и р-зъезды. Поэт то клятвенно обещ-л б-росить пить, то следом з-являл: это сдел-ть для него ник-к-невозмож-но. Во время р-зрыв-л- отношений — и из-р-зрыв-л-я, к-к-призн-л-сь с-м Н-т-ля Алекс-ндровн-я, появилось зн-менитое стихотворе-ние «Призн-ние» («З-целов-л-я, околдов-л-я ...», 1957), тут же им отосл-нное Роскиной по почте. (Впоследствии эти стихи — с-ми по себе готовый ром-нс — поло-жили н-музыку, и «Призн-ние» с упоением — больше с-с-мо-упоением — р-спев-л-с эстр-ды один р-збитной ш-нсонье с ну-о-чень-кр-сивым псевдонимом, пе-ред исполнением непременно объ-являя: «Моя песня!» и при этом

почему-то всегд-з-быв-я н-зв-ть имя поэт-я, сочинившего слов-этой его песни. Впрочем, обычн-я пр-ктик-л-я для теперешней эстр-ды. Кто бы в прежние времен-смел ск-з-ть о ст-вших ром-нс-ми стих-ми «Я помню чудное мгновенье...» или «Я встретил в-с, и всё былое...» — моя песня?..)

З-болоцкий и Роскин-пожи-ли понемногу и в её коммун-лке н-Мещ-нской, и у него в кв-рти-ре н-Беговой...

«Я поверил, что мы можем н-ч-ть сн-ч-л, мне было стр-шно ост-влять его одного, — вспомин-л он. — Я всё-т-ки был-к-нему сильно привяз-н-я, и чувствов-л-к-кую-то ответственность з-него, и очень хотел, чтобы он не пил и чтобы всё было хорошо. Без его ведом-я советов-л-сь с одним опытным вр-чом, который ск-з-л мне: «Ему нельзя пить никогд-я, ни к-пли. Если он будет пить, то проживёт — ну, год-полтор». Прогноз этого вр-ч-опр-вд-л-ся с-точностью до одного месяц-я».

Вполне возможно, и З-болоц-кий чувствов-л-это, но ни р-злук-с-Н-т-лейей Алекс-ндровной, ни оп-сность для здоровья не ост-но-вили его:

«Одн-жды утром он ск-з-л мне, что сегодня собир-е-т-ся н-ч-ть пить. Он д-л-домр-ботнице денег, чтобы он ех-л-з-вином, мне ск-з-л, чтобы я ех-л-н-Мещ-нскую. Это был-февр-ль, сту-денческие к-никулы, и его дети Н-т-ш-и Никит-ы были в Ленин-гр-де. С-их р-зрешения я н-это время поселил-свою дочку Иру в

их комн те. Ире было т м очень хорошо, т к к к её мыли в чело-веческой в нне, д и вообще. Он предпол г л , что будет здесь ещё несколько дней, но кротко ст л н тягив ть шубку. Я ск з л Ни-кол ю Алексеевичу, что этот слу-ч й в н шей жизни — последний».

Цикл «Последняя любовь» (из десяти стихотворений) по н зв - нию прямо соотносится с извест-ным стихотворением Ф. И. Тют-чев :

*О, как на склоне наших дней
Нежней мы любим и суеверней...
Сияй, сияй, прощальный свет
Любви последней, зари вечерней!*
<...>

Шедевр Тютчев посвящён од-ной женщине — Е. А. Денисьевой, у шедевр З болоцкого не т к всё определённо: одни стихотво-рения связ ны с Н. А. Роскиной, другие — с женой, Ек териной В сильевной. Точнее бы ск з ть, в лирической героине этого цикл слились воедино черты обеих женщин, — т к р спорядилось во-обр жение поэт . До сей поры литер туроведы не пришли к еди-ному мнению, кому посвящены те или иные стихи. К з лось бы, «Призн ние» обр щено к Н т лье Алекс ндровне. Одн ко единствен-ную в пятистрочном стихотво-рении портретную строфу («Отвори мне лицо полуночное, / Д й войти в эти очи тяжёлые, / В эти чёрные брови восточные, / В эти руки твои полуголые») можно от-нести и к Ек терине В сильевне, в облике которой, по общему впе-ч тлению видевших её, было что-то восточное.

Или стихотворение «Можже-веловый куст» (1957).

Кому оно посвящено? Конечно, большей ч стью — жене. Од-н ко...

*Я увидел во сне можжевельный
куст,
Я услышал вдали металлический
хруст,
Аметистовых ягод услышал
я звон,
И во сне, в тишине,
мне понравился он. <...>*

Можжевельник рос у крым-ской тропы, где гулял поэт с же-ной в к нун р зрыв . А ожерелье из метистов он под рил Роскиной перед М леевкой: после р сст в - ния он «пост р л съ изб виться» от этих метистов, «которые, по системе суеверий, связ нных с к мнями, приносят несч стье».

*Я почувал сквозь сон лёгкий
запах смолы.
Отогнув невысокие эти стволы,
Я заметил во мраке древесных
ветвей
Чуть живое подобье улыбки
твоей.*

*Можжевельный куст,
можжевельный куст,
Остывающий лепет изменчивых
уст,
Лёгкий лепет, едва отдающий
смолой,
Проколовший меня смертоносной
иглой!*

*В золотых небесах за окошком
моим
Облака проплывают одно
за другим,*

Облетевший мой садик безжизнен
и пуст...

Да простит тебя бог,
можжевеловый куст!

То же с мое можно увидеть и в стихотворениях «Последняя любовь» (1957), «Клял сь ты — до гроб / Быть милой моей...» (1957), и в других. Лишь последние стихотворения цикл: «Встреч » и «Ст рость» (1956) — полностью обращены к жене.

Чрезвычайно характерно, — заметил Ю. Колкер, — что в этом лирическом цикле, одном из самых щемящих и мучительных в русской поэзии, героиня един в двух лицах, и большей частью стихи посвящены жене. «Он именно полюбил её с новой силой; пережил за неё; понял, что и на него ложится доля ответственности за постигшую его краткую строфу. Точнее, за краткую строфу, постигшую их обоих».

Д и Н т лья Александрович Роскин однажды поведл взрослому сыну поэт Никите, что не может ничего сделать для З болоцкого: «<...> он всё время думет только о Ек терине Вильевне».

Семён Липкин в книге о В. С. Гроссмане рассказывает о последней любви своего героя, «принёсшей ему много счастья и страдания и оклеветанной мучительной» (курсив мой — В. М.) для четырёх чистых, хороших людей»: дескать, ещё рано, и трудно об этом писать. Почему-то он не вспоминает при этом про пятого человек в этой истории

— Н т лью Роскину. И почему-то ни словом не оговоривается о страданиях З болоцкого, уж никак не меньших, чем у Гроссмана.

Юрий Колкер несравненно объективнее смотрит на происшедшее:

«Когда взгляды ешься во всё это, з Ек терину Вильевну становится странно не меньше, чем з поэт. Винить её не в чем. Гроссман, опытный сердцеед, мог не понимать, что делает. Для Роскиной эта история был всё же приключением, пусть и мучительным. Для Клыкковой, как и для З болоцкого, произошло землетрясение, разлом тектонической плиты. Ек терин Вильевн прожил ещё долгие годы — и, надо полагать, в оцепенении от случившегося».

* * *

После полного разрыва с Н. Роскиной товарищи и приятели, и вещица З болоцкого, долгое время заставили одну и ту же картинку: поэт в одиночестве сидел за бутылкой вина и без конца слушал одну и ту же пластинку — «Болеро» Равеля. Кончилось — тут же завопил снов, несчётное количество раз, не участвуя в разговорах и ни на что другое не обращая внимания. Он словно был под каким-то музыкальным, ритмическим гипнозом. Однажды З болоцкий попытается вырваться из своего сомнамбулического состояния в одноимённом стихотворении — «Болеро» (1957), но вряд ли удастся в нём полностью. Строки

«Есть в этом мире прздник изнч льный — / Н пев вольнки скудный и печ льный / И эт пляск медленных крестьян...», н первый взгляд, ничего не проясняют и ни о чём не говорят, но в них чудится отд лённый н мёк н р зг дку. Лишь в последней строке стихотворения эт р зг дк выходит н ружу, явственно з является:

О, болеро, священный танец боя!

Ведь болеро — действительно боевой т нец: скудный и печ льный н пев всё более и более усилив ется, ритм возр ст ет до небыв лого нпряжения и н конец р зреш ется сокрушительным взрывом б р б нов и т релок — желез , н ж ргоне музык нтов.

Не свою ли жизнь невольно созерц л в помутнённом созн нии З болоцкий...

В городе Тарусе

Он осозн л: друг я жен невозможн .

А т , единственн я?.. Ну, уж к к будет, к к получится.

И успокоился. Пить вино почти перест л, взялся з р боту.

Очень похоже, что Никол й Чуковский точно уловил суть того, что произошло в душе З болоцкого. (Позже, нез долго до его кончины, Н. Чуковский был не столь чуток и пыт лся неуд чно, если не глумливо, пошутить н д своим тов рищем, «с модеательным мудрецом», по поводу его отншения к смерти и бессмертию,

— это з кончилось р зрывом отншений; но тогд , в острую пору личной тр гедии поэт , он р зделил его боль и всё понял верно.)

«И удивление, и обид — всё прошло, ост лось только горе, — пишет Н. Чуковский. — Он никого не любил, кроме К терины Вильевны, и никогда больше не мог полюбить. С новой женой он не сжился не потому, что он был чем-нибудь нехорош , потому что он был не той единственной, которую он любил. Ост вшись один, в тоске и несч стье, он никому не ж лов лся. Он продолж л т к же упорно и систем тично р бот ть н д перевод ми, к к всегд , он вним тельно з ботился о детях. Все свои муки он выр зил только в стих х, — может быть, с мых прекр сных из всех, н пис нных им з всю жизнь. <...>

Теперь он уже не её одну винил в р зрыве. Он счит л, что об они винов ты, — зн чит, винил и себя. <...>

Он дум л о ней постоянно. Видел её всюду. Нежное, точное, необыч йное изобр жение того, к к он явил сь ему во сне, мы н ходим в его стихотворении “Можжевеловый куст”. <...>

К к отлич ется нежность и изящн я мягкость этих печ льных стихов от весёлой грубости “Столбцов”, с которых он н чин л свой путь! <...>

Он уже хорошо поним л, что с ним случилось несч стье, которого не попр вишь. Несч стье смягчило его, открыло в его душе те стороны — доброту, сочувствие

к людям, — которые всегда были в ней, но в молодые годы зслонялись н смешливой суровостью. Несч стье смягчило его, но не сломило. Он нёс его к к сильный и гордый человек. Он очень много р бот л, но ж дно интересов лся литер турой, жизнью, политикой, историей. Он пис л стихи, проникнутые удивительной нежностью к людям, — “Некр сив я девочк”, “Ст р я ктрис”, <...> “Это было д вно”, “К збек” <...>».

Время от времени Ек терин В сильевн н вещь л детей н Беговой; ч сто приходил Арсений Т рковский, пыт вшийся примирить муж и жену; з ходили в опустевшую кв ртиру поэты-переводчики А. Межиров, Е. Винокуров и другие. Они чувствов ли: З болоцкий уже не тот, он з мкнулся, ст л отстр нённым...

Д же к выходу четвёртой книги стихов, с мой полной из всех прижизненных (м й 1957 год), он отнёсся довольно безуч стно, хотя, конечно, был р д этому событию.

Сн ч л рукопись долго леж л в изд тельстве «Советский пис тель» (где директором был доносчик Лесючевский); потом поэт пересмотрел её и отд л в Гослитизд т. После долгих мыт рств, согл сов ний и сокр щений от восьмидесяти оригинальных стихотворений 1930-1950 годов ост лось шестьдесят девять. В сборник вошли т кже избр нные переводы с грузинского и немецкого, перевод «Слов о полку Игореве». Книгу ср зу же з метили и чит тели, и

критики: для любителей поэзии это был долгожд нный под рок.

Ещё после подборки новых стихов в сборнике «Литер турн я Москв » (1956) о З болоцком оживлённо з говорили в литер турных обзор х, — теперь же о нём ст ли пис ть ещё ч ще. Молодой критик Алл М рченко н зв л его «одним из н иболее зн чительных и тонких современных лириков»; другие отмеч ли взыск тельность м стер поэтического слов , глубину и своеобразие его поэзии. Р зумеется, некоторые обзрев тели по-прежнему с н стороженностью пис ли о новых публик циях поэт , но всё же, по ср внению с нед вними времен ми, тон критической мысли з метно изменился к лучшему.

М рин Чуковск я пис л :

«Помню, в 1957 году он приех л в Переделкино к Корнею Ив новичу, непрониц емый, з мкнутый, весь в чёрном, и церемонно вручил Корнею Ив новичу только что выпедшую книжечку стихов. Церемонно просидел, сколько положено, и уех л. А мы ст ли чит ть — и не могли оторв ться... Когд прочит ли “Жур вли”, Корней Ив нович з пл к л».

* * *

В городок Т русу н Оке З болоцкого з зв ли Гид ши: Ант л и Агнесс . Ещё к к-то в Дубулт х они р сск зыв ли об этом тихом к лужском уголке, потом в Москве уговорили поэт н скоро собр ться и увезли н своей м шине

туд . Д он и с м помим л: пор
сменить обст новку.

Несуетный, милый, живопис-
ный русский городок; пл вн я
широк я Ок в кудрявой зелени
лесов; вольные з росли сирени;
м львы и ром шки в п лис дни-
к х. Тов рищи быстро подыск ли
съёмное жильё н улице К рл
Либкнехт — две комн тки с тер-
р сой, выходящей во двор, пол-
ный дом шней птичьей живности.

Следом з отцом с моходом,
поездом и втобусом, приех л
взросл я дв дц тилетняя дочь
Н т ш . Отыск л по дресу Ги-
д шей, н встречу вышел хозяин
семьи. Н т ш , з быв его имя,
просто ск з л : «Здр встуйте,
куд вы дели моего п пу?» Ант л
р смеялся.

Полвек спустя он вспомин л :
«П п жил в небольшом до-
мике совсем нед леко, н тихой
соседней улице с множеством тро-
пинок в з рослях спорыш и п-
течной ром шки. Дв жды в день
тихонько проходило ст до (козы,
овцы, две-три коровы), людей не
видно, появление м шины было
событием. Большую ч сть дня он
проводил в комн те перед окном
н эту улицу. Т м он р бот л з
небольшим столом с пишущей
м шинкой «Continental». К к
всегд вокруг п пы, т м уже об-
р зов лось особое упорядоченное
простр нство. Это бсолютный
порядок, и чисто внешний — н
письменном столе, в рукописях и в
печ тном тексте, в одежде. И вну-
три — он собр н и сосредоточен,
вним телен и доброжел телен.
Обит тели дом отвеч ют дели-
к тной почтительностью. Вокруг

него к ким-то обр зом исключ ет-
ся сует , грубость, н вязчивость,
к призы. Это зн ли всегд мы,
дети, и в присутствии п пы вели
себя по мере сил достойно. Чув-
ствуют это и обит тели дом н
улице К рл Либкнехт ».

Подробности т русской жизни
и природы девушк узн в л в от-
цовских стих х, которые, быв ло,
он ей первой и чит л.

*Скачет, свищет и бормочет
Многоликий птичий двор.
То могучий грянет кочет,
То индеек взвизгнет хор.*

*В бесшабашном этом гаме,
В писке маленьких цыплят
Гуси толстыми ногами
Землю важно шевелят.*

*И шатаюсь с боку на бок,
Через двор наискосок,
Перепонки красных лапок
Ставят утки на песок.*

*Будь бы я такая птица, —
Весь пылая, весь дрожа,
Поспешил бы в небо взвиться,
Ускользнув из-под ножа!*

*А они, не веря в чудо,
Вечной заняты едой,
Ждут, безумные, покуда
Распростятся с головой.*

*Вечный гам и вечный топот,
Вечно глупый, важный вид.
Им, как видно, жизни опыт
Ни о чём не говорит.*

*Их сердца послушно бьются
По желанию людей,*

*И в душе не отдаются
Крики вольных лебедей.*

(«Птичий двор», 1957)

Вл делец дом , по имени
Фёдор Дмитриевич, день-день-
ской з нят по хозяйству или же
приторговыв ет с с д -огород
у ворот пионерского л геря; он,
пож луй что, и выпивох , но не
буйан. А хозяйк , М рия Дми-
триевн , молч лив и р ботящ ;
ходит в церковь, что в соседнем
селе. Не х нж , — отмеч ет про
неё дочь поэт . Об они, и сосед-
ск я девочк , и д же дом шняя
соб чонк по кличке Дружок,
особенно полюбивш я З болоц-
кого, — все, к к н к ртине, в
т ком непритяз тельном, груст-
нов том его стихотворении «Го-
родок» (1958):

*Целый день стирает прачка,
Муж пошёл за водкой.
На крыльце сидит собачка
С маленькой бородкой.*

*Целый день она таращит
Умные глазёнки,
Если дома кто заплачет —
Заскулит в сторонке.*

*А кому сегодня плакать
В городе Тарусе?
Есть кому в Тарусе плакать —
Девочке Марусе.*

*Опротивели Марусе
Петухи да гуси.
Сколько ходит их в Тарусе,
Господи Иисусе!*

*«Вот бы мне такие перья
Да такие крылья!
Улетела б прямо в дверь я,
Бросилась в ковыль я!*

*Чтоб глаза мои на свете
Больше не глядели,
Петухи да гуси эти
Больше не галдели!»*

*Ой, как худо жить Марусе
В городе Тарусе!
Петухи одни да гуси,
Господи Иисусе!*

Никогд прежде З болоцкий
т к прист льно не всм трив лся в
обычную жизнь обычных людей,
теперь они к к свои его сердцу...

По воспомин ниям дочери,
Никол й Алексеевич не выглядел
тогд здоровым человеком: огруз-
нел, м лоподвижен. Но по-преж-
нему он ни н что и никогд не
ж лов лся. Н т ш подмеч л :
«По утр м у него всегд светлое,
сосредоточенное выр жение. Чув-
ствую в нём р нимость и безз -
щитность и в то же время стро-
гую дисциплину, ответственность
з р бочее состояние. <...> Когд
возник ли стихи? Мне к жется,
что скл дыв лись они постепен-
но, з писыв лись ч сто тоже
по утр м, одн ко основную м с-
су р боты сост вляли переводы.
Впоследствии я ч сто узн в л
черты и моменты н шей жизни,
послужившие толчком к возник-
новению стихов или отдельных
строк».

Н прогулки поэт выбир лся
редко. К к-то пошли они с четой

Гид шей к деревеньке Суторми-
но через колосющееся поле, где
открыв л сь гл зу долин реки
Т руски. Агнесс вострог л сь
кр сот ми пейз ж , — З болоц-
кий слегк трунил н д ней. Н
обр тном пути З болоцкий долго
в з думчивости смотрел н жен-
щин, полоск вших в з пруде бе-
льё. Позже, когд он прочёл сти-
хотворение «Стирк белья», дочь
вспомнил ту прогулку.

*<...> Я сегодня в сообществе
прачек,
Благодетельниц здешних мужей.
Эти люди не давят лежащих
И голодных не гонят взашей.
Натрудив вековые мозоли,
Побелевшие в мыльной воде,
Здесь не думают о хлебосолье,
Но зато не бросают в беде.
Благо тем, кто смятенную
душу
Здесь омоет до самого дна,
Чтобы вновь из корыта
на сушу
Афродитой вышла она!*

1957

По вечер м они всей комп ни-
ей спуск лись к реке, где у при-
ч л пок чив л сь лодк , взят я
Гид ш ми н прок т. Н ней к -
т лись по Оке. Одн жды угово-
рили сесть в лодку З болоцкого.
Неожид нно в днище обн ружи-
л сь течь, и он, побледнев, тут
же велел грести к берегу. Должно
быть, припомнил сь поэту пере-
пр в н б рже через Амур, когд
все з ключённые погибли, — и

он с ними должен был утонуть,
если бы в последний момент его
не выдернул из покорной толпы
чертёжный н ч льник...

Н т ш З болоцк я не р з по-
том мысленно бл год рил муж
и жену Гид шей з то, что они
позн комили отц с Т русой и
под рили ему дв лет сч стливой
р змеренной жизни. Последние
его дв чудесных лет ...

«Одн жды, в приближении
сумерек, невыносимый восторг
переполнил меня и, добр вшись
до п пы, к к всегд сидевше-
го н ск мейке, я, потрясённ я,
спросил : “О, ты видишь это, ты
чувствуешь?” И позже узн л
к ртину, меня потрясшую, в сти-
хотворении “Вечер н Оке”.

*Горит весь мир, прозрачен
и духовен,
Теперь-то он поистине хорош,
И ты, ликуя, множество диковин
В его живых чертах
распознаёшь».*

Несколько р з они быв ли в
гостях у П устовского, прочно
обоснов вшегося в Т русе. З бо-
лоцкий чит л ему стихи, и Кон-
ст нтин Георгиевич был явно
р строг н. «Видно было, что их
связыв ло чувство вз имной неж-
ной почтительности», — вспоми-
н л дочь. Сохр нилось письмо
П устовского к В. А. К верину:
«Здесь летом жил З болоцкий.
Чудесный, удивительный чело-
век. Н днях приходил, чит л
свои новые стихи — очень горь-
кие, совершенно пушкинские по

блеску, силе поэтического и пряжения и глубине». Но ч ще всего отец с дочерью проводили вечер в доме Гид шей: пили ч й, вино, что-нибудь чит ли друг другу или же игр ли в домино.

Ещё в годы неволи З болоцкий мечт л провести ост ток жизни не в большом столичном городе, в к ком-нибудь з холустном тихом городке — вд ли от суеты, от человеческого сутолпищ . Т рус н помнил ему это сокровенное жел ние. Он чем-то походил н уездный Уржум, город детств . З болоцкому здесь хорошо жил ось и р бот л ось, и он з хотел последов ть примеру П устовско го и жить в Т русе не н езд ми, круглый год. Присмотрел новый рубленый дом н одной из улочек и уже по-хозяйски беседов л с вл дельцем о цене, о том, чего бы следов ло пристроить и к к убе речья от «жуков-точильщиков». Д же пл н своей будущей т русской ус дьбы н брос л н листе бум ги.

Дворовые крикливые кочеты, которые в стих х его прежде совсем не беспокоились о своей уч сти и дос жд ли «девочке М русе», теперь з пели совсем по-другому:

*На сараях, на банях и гумнах
Свежий ветер вздувает верхи.
Изливаются в возгласах трубных
Звездочёты ночей — петухи.*

*Нет, не бьют эти птицы
баклуши,
Начиная торжественный зов!*

*Я сравнил бы их тёмные души
С циферблатами древних часов.
<...>*

*Ярко светит над миром усталым
Семизвездье Большого Ковша,
На земле ему фокусом малым
Петушиная служит душа.*

*Изменяется угол паденья,
Напрягаются зренья и слух,
И, взметнув до небес оперенье,
Как ужаленный, кличет петух.
<...>*

*И теперь, на границе историй,
Поднимая свой гребень к луне,
Он, как некогда витязь Егорий,
Кличет песню надзвёздную мне!*

(«Петухи поют», 1958)

Безумный волк из одноимённой поэмы вывёртыв л себе шею, чтобы видеть небо; звёзды, символы свободы, безмолвно сияли н д двумя з мерз ющими ст рик - ми-крестьян ми где-то в поле возле М г д н ; и ныне т русский безумный кочет пел в ночи поэту н дзвёздную песню.

Всё сходилось — и было понятно, почему...

* * *

Осенью 1957 год Никол й Алексеевич З болоцкий впервые поп л з гр ницу, в Ит лию. Это был поездк группы советских пис телей по пригл шению ит - льянских коллег. Литер турное н ч лство обычно подбир ло

для тех визитов людей проверенных, и З болоцкого вряд ли бы включили в состав делегации, если бы не её стойчивость и тельянецев. Они хорошо помнили и ценили поэта ещё по «Столбцам».

Группу советских писателей возглавил Алексей Сурков; в неё вошли Микол Бжн, Вер Инбер, Михил Исковский, Леонид Мартынов, Александр Прокофьев, Борис Слуцкий, Сергей Смирнов, Александр Твардовский. «Это вообще был очень забавная делегация, если это сколько-нибудь забавно... — забавляет М. Синельников. — Там были люди все исключительные. <...> Например, в общей комнате оказались только Леонид Мартынов и лет за десять до этой поездки чуть не погубившая его Вер Инбер. И пришлось их “мирить” специально для этой экспедиции». У З болоцкого тоже не со всеми в делегации были добрые отношения. Нездолго до этого редактор «Нового мира» А. Т. Твардовский при сотрудничестве своего журнала довольно зло и нескромно высмеял одно из его стихотворений («Лебедь в зоопарке») за строку, где этот прекрсна я птиц был назван «животное, полное грёз». Подчинённые хихикали вслед за хохочущим поэтом-редактором, который, будучи младше З болоцкого на семь лет, свысок, как старший, укорял Николая Алексеевича: дескать, разве же можно так писать, «ведь не маленький уже»... Доведённый до слёз, З болоцкий чувствовал себя оскорблённым...

В Рим вылетел ли с молётом, но З болоцкому, больному сердцем, впрочем порекомендовали поезд. Борис Слуцкий, верный по характеру, вызвался ехать с ним. Потом он вспоминал, как в Союзе писателей они дождались машину на вокзале. З болоцкому хотелось курить, а пиросы он забрал с собой. Слуцкий пишет: «В комнату вошёл невысокий обезьяновидный человек. Не вошёл, собственно, только сунулся — искал кого-то. Николай Алексеевич так и кинулся к нему — попросил пиросу, и вошедший с радостной готовностью сказал:

— Пожлуйст, Николай Алексеевич, — и ушёл.

Николай Алексеевич сел, застал и другой, потом, блуждая, спросил:

— Интересно, кто же это был — с пиросами?

Я ответил:

— Ермилов.

Николай Алексеевич бросил пиросу на пол, распотлился и мурился».

Никит З болоцкий сопровождал этот случай теми словами:

«До конца жизни не прощались прямых и косвенных виновников своих бед. Помнил и помещённую в “Првде” грязную статью Ермилова, сильно повредившую его положению в литературе и обществе».

В Рим З болоцкий и Слуцкий добрались 11 октября, опоздав на первую встречу с итальянскими писателями. Потом был Флоренция; там З болоцкий выступил со

своими мыслями о поэзии. Возгл - сив в з ключение здр вицу миру, р дости, творчеству, он з кончил слов ми: «Вот почему я не пес- симист». Ит льянцы не слишком поверили н счёт его оптимизм , посчит в это д нью советской проп г нде. Поэт Анджело-М рия Рипеллино, с которым он сошёл- ся ближе других, позже н вестил его в Москве н Беговой. Снов з шл речь про оптимизм.

— Но в ш поздняя лирик прониз н тоской, - ск з л Рипел- лино. — Оптимизм — пустое сло- во, уст ревший ш блон.

— Во всяком случ е моё искус- ство — утверждение жизни, — воз- зил З болоцкий.

По мнению сын поэт , ит - льянц м трудно было понять, что оптимизм З болоцкого «н дсоци- лен» и основ н н его собствен- ных н турфилософских предст влениях, не н проп г ндистском требов нии. «В соци льном пл не он не был оптимистом и в те годы, уже не всегд сдержив я свои скрытые мысли, говорил, быв ло, о ж нд рмской сущности ст лин- ского соци лизм ».

Это подтвержд ет и дочь Н - т лья в своих коротких воспоми- н ниях об отце:

«В 50-х год х я, случ лось, выск зыв л свои сомнения по поводу офици льной проп г нды или по текущим событиям. П п никогда не пуск лся в объяснения. Но быв л з метно доволен моим критическим н строем и повторял весело: “Это всё для дур чков”.

И весело проходилса по комн те, потир я руки».

Н т лья Роскин вспомин л , что н её резкие критические вы- ск зыв ния о политике З болоц- кий отвеч л спокойно и твёрдо: «Для меня политик — это химия. Я ничего не поним ю в химии, ничего не поним ю в политике, и не хочу об этом дум ть».

А одн жды дом сж л её лицо л донями и, «з ст вляя смотреть в гл з , с к кой-то жестокой тор- жественностью ск з л: “Н т ш ! Я прошу тебя д ть мне честное слово, что ты не з ним ешьса химией. Ты не з ним ешьса тем, что я н зыв ю химией. Честное слово”. Я охотно д л ему это слово».

Что же к с ется оптимизм , то и Роскин прекр сно поним л : З болоцкий, зн я, к кой з ним догляд, был вынужден т к гово- рить с иностр нцем:

«Вот к кой он был оптимист. З говорили о возможной войне — с к кой-то стр шной ре льностью он ст л предст влять мне её м с- шт б, о себе ск з л: “У меня тут погребок (он ук з л н нижние ящики большого п вловского бу- фет), я буду пить не перест в я”. Я ск з л : “Неужели у мужчины во время войны другого дел не н йдётся? И потом, что же будет со мной?” Он ответил: “Ты моло- д я, может, ещё и удерёшь”. Ни- кого он не обн дёжив л, ни себя, ни близких, ник кой пощ ды не жд л ни от истории, ни от своей судьбы».

В Ит лии Никол й Алексеевич был потрясён живописц ми: в г лерее Уффици взгляды лся в к ртины Боттичелли (и ост вил потом з пись у себя в книжке о «виногр дных лиц х у Боттичелли», о гл з х «дивной чистоты»). Из поездки привёз льбомы Брейгеля, М тисс , Боттичелли, Сез нн , Моне, Ш г л .

Советск я делег ция побыв л в Болонье, Р венне, Триесте, Модене, Венеции; Слуцкому з помнил сь добр я улыбка З болоцкого, сидящего в гондоле. Когд венеци нские вл сти вдруг решили почему-то высл ть «русских коммунистов» из город и все уж сно р строились, один З болоцкий не утр тил хорошего р спложения дух , невозмутимо з метив: «Подум йте, куд н с высыл ют? В Рим!» — и всех р звеселил.

Мих ил Синельников (сын тов рищ З болоцкого по его питерской молодости Ис к Синельников) одн жды услыш л от Ек терины В сильевны З болоцкой изумительную историю про ит льянскую поездку муж , случившуюся н обр тном пути в Москву:

«Все погрузились в поезд. З болоцкий, уже смертельно больной и очень уст лый, ср зу лёг н верхнюю полку и з снул.

Точнее, он не з снул, прикрыл гл з , но его попутчики дум ли, что он спит. А в купе вошли Тв рдовский и Слуцкий. Тв рдовский ук з л н спящего, к к к з лось, З болоцкого и тихо ск з л Слуцкому: “Ведь к ким

хорошим человеком ок з лся, к кую ерунду всю жизнь пис л!” Р зумеется, З болоцкий услыш л эту фр зу, но не позволил себе д же улыбнуться в своём мнимом сне. <...>

Д , Тв рдовский и З болоцкий большую ч сть жизни не л дили».

Синельников утвержд ет, что Алекс ндр Трифонович «презир л» Никол я Алексеевич , тот в свою очередь з являл жене, что т кие поэмы, к к “В силий Тёркин”, мог бы «строг ть» к ждые дв месяц , если бы вдруг з хотел х лтурить.

Большие художники редко сходятся: известно, Льв Толстого р здр ж л Шекспир. Резкие выск зыв ния н верняк были, одн ко, по н шему мнению, суть противоречий между З болоцким и Тв рдовским в другом: тут поэт спорил с проз иком (Тв рдовский одн жды ск з л о себе: д я, в сущности, проз ик).

Борис Слуцкий спустя полтор десятк лет по кончине тов рищ н пис л о нём стихотворение — «З болоцкий спит в ит льянской гостинице». Т м есть поистине сердечные строки:

*Я всматривался в сладостный покой,
усталостью, и возрастом,
и ночью
подаренный. Я наблюдал воочью,
как закрывался он от звёзд
рукой,
как он как бы невольно
отстранял
и шёпоты гостиничного зданья,*

*и грохоты коллизий мироздания,
как будто утверждал: не сочинял
я этого! За это — не в ответе!
Оставьте же меня в концах*

конце!

*И ночью, и тем паче на рассвете
невинность выступала на лице.*

*Что выдержка и дисциплина
днём*

*стесняли и заковывали в латы,
освобождалось, проступало*

в нём

*раскованно, безудержно,
крылато.*

*Как будто атом ямба разложив,
поэзия рванулась к благодати!*

*Спал Заболоцкий, руку подложив
под щёку, розовую, как*

*у дитяти,
под толстую и детскую. Она*

*покоилась на трудовой ладони
удобно, как покоится луна*

*в космической и облачной ледяни.
Спал Заболоцкий.*

*Сладостно сопел,
вдыхая тибуртинские миазмы,*

*и содрогался, будто бы
от астмы,*

*и вновь сопел, как будто
что-то пел*

*в неслышанной, особой,
новой гамме.*

*Понятно было: не сопит — поёт.
И упирался сильными ногами*

в гостиничной кровати переплёт.

Путешествие по Ит лии утомило поэта — но и взбодрило, зрядило его новой энергией. Он обрёл к переводу с итальянского, перевёл несколько стихотворений Рипеллино и Умберто Собо. Одному из своих зочных

почитателей, А. К. Крутецкому, потом черкнул в письме:

«Что с Вшим сердцем? Я тоже стрый сердечник, т к к к здоровье моего сердца осталось в содовой грязи одного сибирского озера. <...> Но я и моё сердце — мы понимаем друг друга. Оно знает, что пощадит его от меня не будет, я надеюсь, что его мужик я пород ещё потерпит некоторое время». (6 марта 1958 г.)

Терпеть осталось уже недолго...

Последняя жизнь

Говорят, Арсений Тарковский гордился тем, что примирил четырёх болоцких. Однако что бы у него вышло, если бы у них с ним не было к этому великого стремления?..

Одно из самых поразительных стихотворений цикла «Последняя любовь» — «Встреча» (1957). Ему предпослан эпиграф из романа Л. Толстого «Война и мир»: «И лицом своим внимательными глазами, с трудом, с усилием, как открывающаяся дверь, — улыбнулся...» Н-д, с внемление...

*Как открывается заржавевшая
дверь,*

*С трудом, с усилием, —
забыв о том, что было,*

*Она, моя неожиданная, теперь
Своё лицо навстречу мне*

открыла.

*И хлынул свет — не свет,
но целый снап*

*Живых лучей, — не снап,
но целый ворох*

*Весны и радости, и, вечный
мизантроп,
Смешался я... И в наших
разговорах,
В улыбках, в восклицаньях, —
впрочем, нет,
Не в них совсем, но где-то там,
за ними,
Теперь горел неугасимый свет,
Овладевая мыслями моими.
Открыв окно, мы посмотрели
в сад,
И мотыльки бесчисленные сдуру,
Как многоцветный лёгкий
водопад,
К блестящему помчались
абажуру.
Один из них уселся на плечо,
Он был прозрачен, трепетен
и розов.
Моих вопросов не было ещё,
Да и не нужно было их —
вопросов.*

Очевидно, что рзлук с женой был неестественным состоянием для З болоцкого: в мыслях и в чувствах он всегда был с ней рядом.

В последнем стихотворении цикла — «Ст рость» (1957) — воображение рисует ему желанную картину единства родных душ:

*Простые, тихие, седые,
Он с палкой, с зонтиком она, —
Они на листья золотые
Глядят, гуляя дотемна.*

*Их речь уже немногословна,
Без слов понятен каждый взгляд,
Но души их светло и ровно
Об очень многом говорят. <...>*

Тут и о животворном свете страны, испытанном в жизни, и о том, что:

*Изнемогая, как калеки,
Под гнётом слабостей своих,
В одно единое навеки
Слились живые души их.*

Счастие чудится промельком зреницы: оно «т кого требует труд!» — зато потухает быстро и исчезает уже не всегда.

В последних строках стихотворения — и всего цикла — мечтают о том, что так необходимо двум небережливцам своего счастья людям:

*Теперь уж им, наверно, легче,
Теперь всё страшное ушло,
И только души их, как свечи,
Струят последнее тепло.*

В те два последних лет в Тресе З болоцкого не покидали эти его постоянные мысли, воплощённые в стихах:

*Кто мне откликнулся в чаще
лесной?
Ты ли, которая снова весной
Вспомнила наши прошедшие
годы,
Наши заботы и наши невзгоды,
Наши скитанья в далёком
краю, —
Ты, опалившая душу мою?*

**(«Кто мне откликнулся
в чаще лесной», 1957)**

Идеи о новой — прежнюю — жизнь, которую он не мыслил без жены, не оставалась его:

*Луч, подобный изумруду,
Золотого счастья ключ —
Я его ещё добуду,
Мой зелёный слабый луч.*

(«Зелёный луч», 1958)

Эт н дежд то восп рял в
его душе, то вновь сл бел и про-
п д л почти н совсем:

*Славно ласточка щебечет,
Ловко крыльями стрижёт,
Всеми ветрам она перечит,
Но и силы бережёт.
Реет верхом, реет низом,
Догоняет комара
И в избушке под карнизом
Отдыхает до утра.*

*Удивлён её повадкой,
Устремляюсь я в зенит,
И душа моя касаткой
В отдалённый край летит.
Реет, плачет, словно птица,
В заколдованном краю,
Слабым клювиком стучится
В душу бедную твою.*

*Но душа твоя угасла,
На дверях висит замок.
Догорело в лампе масло,
И не светит фитилёк.
Горько ласточка рыдает
И не знает, как помочь,
И с кладбища улетает
В заколдованную ночь.*

(«Ласточка», 1958)

В янв ре 1958 год пришло из-
вестие о кончине Евгения Львови-
ч Шв рц .

Ек терин В сильевн выех л
в Ленингр д к Ек терине Ив нов-
не, вдове Шв рц , чтобы к кое-то
время пожить с нею, облегчить
горе. Никол й Алексеевич зн л
об этом. 20 янв ря он н пис л
жене письмо:

«Мил я К тя. С тех пор, к к
я принял моё решение, мне ст ло
спокойно н душе. Д й бог, что-
бы и впредь было т к же спокой-
но, к к теперь. Ты будешь жить
т м, где з хочешь, и т к, к к ты
з хочешь. Если ты будешь жить
не у н с и лишь по времен м н с
н вец ть, мы будем р ды и это-
му. Если случится т к, что ты з -
хочешь возвр титься к н м, мы с
р достью встретим тебя. Если же
не з хочешь, мы будем зн ть, что
тебе хорошо, и я не буду огорч ть
тебя своими упрёк ми. Д й бог
тебе сч стья, и прости меня з все
мои неспр ведливые безумств .

Многие мои стихотворения, по
существу, к к ты зн ешь, мы пи-
с ли с тобою вместе. Ч сто один
твой н мёк, одно з меч ние —
меняли суть дел , и я всё дел л
по-новому. А з теми стих ми, что
пис л я один, всегда стоял ты, и
я пис л их, чувствуя тебя рядом
с собою. Сп сибо тебе з это. Ты
ведь зн ешь, что р ди моего ис-
кусств я всем прочим в жизни
пренебрёг, и ты мне в этом помог-
л . Ты слишком долго помог л
мне и уст л . Но я не имею пр в
уст в ть. Я целую твои руки, мой
мильй друг. Моё сердце полно
бл год рности и любви к н шему
прошлому.

Ты д л мне очень много, и я бл год рю судьбу з то, что ты был со мною. Я один винов т во всём, я беру н себя всю вину, и буду носить её н себе, и никогд и ни в чём не упрекну тебя. Прости же и ты меня, и д й тебе боже долгих дней и светлого сч стья!

Теперь я спокоен и твёрд, и ты не должн беспокоиться обо мне. Я постоянно р бот ю, дум ю, н ши дети живут хорошо. *Теперь настала моя новая, тихая, последняя жизнь.* (Курсив мой — В. М.) Мне спокойно. Спокойной ночи, мой друг!

К.»

В м рте в Москве прошл дек д грузинской литер туры и искусств . В к нун дек ды в Тбилиси вышл перв я книг двухтомник «Грузинск я кл сическ я поэзия в перевод х Н. З болоцкого». «22 м рт в Колонном з ле, — пишет Никит З болоцкий, — он торжественно чит л отрывок из своего полного перевод поэмы Руст вели:

*Есть ли кто презренней труса,
удручённого борьбой,
Кто теряется и медлит,
смерть увидев пред собой?
Чем он лучше слабой пряжи,
этот воин удалой?
Лучше нам гордиться славой,
чем добычею иной.*

*Смерть сквозь горы и ущелья
прилетит в одно мгновенье,
Храбрецов она и трусов —
всех возьмёт без промедленья.*

*И детей и престарелых
ожидает погребенье.
Лучше славная кончина,
чем постыдное спасенье!*

Хроник льный фильм о грузинской эстр де сохр нил для н с голос З болоцкого, декл миров вшего приведённые строки. Зн мен тельно, что это единственн я ост вш яся звукоз пись чтения поэтом стихов — и именно тех, в которых он, вторя Руст вели, выр зил своё отношение к достойной человек жизни и смерти. Вряд ли многие из сидящих в з ле поняли, что поэт произнёс перед ними нечто вроде н дгробного слов н приближ ющихся собственных похорон х».

По случ ю грузинской дек ды З болоцкий з з слуги в переводческой деятельности был н гр ждён орденом Трудового Кр сно го Зн мени. Р зумеется, он был этому р д, к к и любому другому зн ку офици льного призн ния: это укрепляло и его положение к к поэт , и положение семьи. Дом н Беговой это событие отметили с друзьями. З брезжил возможность изд ть новую книгу стихов — н конец со столбц ми, но потом всё з глохло. «Они дур чки, что не призн ют меня, — говорил поэт сыну про вл сть имущих, — им выгодно было бы печ т ть мои стихи». А потом к к то доб вил: «Меня уже не будет, но ты увидишь: лет через восемь меня н чнут широко печ т ть...» — И почти не ошибся.

Для его поэзии 1957 год был необыкновенно плодотворен — по подсчёту сын-биограф, З-болоцкий и писатель тридцать три стихотворения. Д и в 1958 году, последнем в его жизни, прибавил к этому пятнадцать новых стихов и пять тысяч строк переводов с сербского. Нет, так и не удалось передышки своему мужицкому сердцу Николы Алексеевича!..

Мэригрит Алигер вспоминала, как в знойном июле 1958 года он побывал в Труссе в гостях у З-болоцкого. Поехали они вместе с Либединскими. Н купили в Москве гостинцев, отыскали любимое вино З-болоцкого «Телини»:

«Он оклеял дом один и ужсно нам обрдовлся. Жил он дачником в небольшом старом русском домике с милым деревенским садом и охотно поклялся нам невеликие свои временные владения, — видимо, он любил это место и ему тут было хорошо и покойно. Либединских было двое, и я был с дочкой, и водитель был за рулём машины, но мы всё-таки втиснули ещё и З-болоцкого туда же и поехали все вместе на другой берег Оки, в известное Поленово, посмотрели сохранившиеся там картины, знаменитых “Христ и блудницу”, которые именно тут, в Поленово, и писались. Потом долго и весело купались в Оке, потом вернулись к З-болоцкому и с удовольствием обедали в небольшой застеклённой терраске. <...>

Помню, я прочитал З-болоцкому ходившие тогда в литературной среде иронические стихи неизвестного поэта Холина, очевидно очень позабавившие его:

*Вот я... Уж дома не был сутки.
А где я был? У Нюрки спал.
А что жене своей сказал?
Сказал, чтоб не было скандала:
«Дела! Начальство задержало».*

Николай Алексеевич долго поселился и незнел душой, лукаво и с видимым удовольствием всё повторял одну строчку: «А где я был? У Нюрки спал». Очень ему пришлось по душе её интонация.

В бедных и хворях З-болоцкий отнюдь не утратил любви к шутке. По всей видимости, общение с доктором Ми подвигло его в те годы к сочинению забавного цикла лёгких стишков под названием «Из записок старого птекаря». Там были такие, к примеру, экспромты:

*Как хорошо, что дырочку
для клизмы
Имеют все живые организмы!*

Или:

*Дай хоть йоду идиоту —
Не поможет ни на йоту.*

Ещё:

*Весьма возможно, что в солёном
огурце
Довольно много витамина С.*

Чувство юмор у З болоцкого было весьм своеобразным. Писатели в большинстве не род в быту злоязычный, любящий поточить язык по любому поводу, никого не щадя. З болоцкий был иным. Он шутил — не джигитским, не джигитскими слободками людей. По мнению Н. Роскиной, он обделен «совершенно очаровательным чувством юмор — не ироничным и в то же время изысканным». Роскин вспоминает, как хорошо всегда было З болоцкому с детьми: у них было почти одинаковое чувство юмор. «Он постоянно цитировал стишок одной девочки:

*Умру. И в русскую землю
 зароют меня.
Французский не буду учить
 никогда.
В немецкую книгу не буду
 смотреть.
Скорее, скорее, скорей умереть!*

И как ждкий раз охотно смеялся».

Удивительно и другое: в отличие от многих русских классиков, З болоцкий не написал ни одной злой эпиграммы — ни не политиков, ни не писателей и литературных критиков, хотя, как казалось бы, поводов было больше чем достаточно...

Но вернёмся в летнюю Труссу 1958 год.

Лидии Либединской тоже хорошо запомнилась эта поездка. Он вспоминает, как З болоцкий, попивая любимое грузинское

вино, с удовольствием декламировал мирно:
в л М ндельшт м :

*В каждом маленьком духане
Ты товарища найдёшь,
Только спросишь «Телиани» —
Поплывёт Тифлис в тумане,
Ты в тумане поплывёшь...*

Он повёл гостей со своим желанием провести всю зиму в Труссе, увлечённо рассказывая о своей новой большой работе — переводе эпоса о Нибелунгах.

Тогда же, в июле, к семье Гидшей приехал поэт Давид Самойлов. Не утром к ним в дом заглянул Николай Алексеевич Самойлов:

«Он был в сером полотняном костюме, в летней соломенной шляпе. Опрятный, сдержанный, как всегда. Уже не голубуха, милый чеховский, очень российский интеллигент. Добрый, шутливый».

Все вместе спустились к Оке. Пока Гидшей катились по реке в лодке, два поэта сидели на скамейке, созерцая округу.

«Потом поглядел на меня и сказал:

— Отчего у вас лицо такое... впечатлительное? Сразу видно, что кукушаете. А вам ребята не надо. Ребята, и всё».

Он, не верное, и о себе так думал всю жизнь: ребята — и всё. <...>

А потом он ещё раз заглянул на меня и добродушно произнёс:

— Вы — чудак. — Помолчи и добрый: — А я — нет.

Он, видимо, гордился тем, что не чудак, и думал, что это отличает его от других поэтов.

Один литератор годами там же, в Труссе, скзал мне сраздрожением и с некоторым недоумением:

— Кой-то он странный. Говорит одни бнльности, вроде того, что ему нравятся Пушкин.

Бедняком привык к тому, что поэты стремятся говорить не то, что другие, и вести себя как-то особенно.

А ему сמוутверждается не нужно было. Он был гордый, и если и суетный, то не в этом, не в том, что он называл — робот».

Не слов Зболоцкого — своё состояние запомнил Смойлов:

«И помню тогдашнее ощущение *тайного восторга* (курсив мой — **В. М.**), когда мы сидели с ним на лавочке над Окой несколько часов и переговаривались неторопливо».

Имя этому «тайному восторгу» — поэзия.

Корней Чуковский однажды, после рядового визита Зболоцкого, скзал родственником нечто вроде того: вот представьте, как нам сейчас ходил человек, сопоставимый с Тютчевым или Бортынским...

Алексей Колкер задётся вопросом о слове и приходит к выводу, что рядом с «большой четверкой» Зболоцкому не стоять. «Столетие со дня его рождения не стало национальным праздником, не сопровождалось пышными играми, в которых и нашей словесью, как дни Ахматовой,

Пастернак, Мандельштам, Цветаевой. И это — к лучшему. Тех, возведённых на пьедестал, в юбилейные годы просто жлобилось — так густо шла вместе с чувством ниша профанция. Зболоцкого в значительной степени забыли — и тем пощадил. К счастью для него и тех, кто любит его стихи».

Строгий критик позднего Зболоцкого Алексей Пурин в конце своих заметок пишет, что, несмотря на все претензии к его творчеству, поэт остаётся «и, вероятно, остаётся» в числе немногих, без которых непредставим «русский XX век». Столько имён, стоявших, казалось бы, в одном ряду с ним, потускнело, стёрлось — звезд Зболоцкого стал «ещё заметней и очистившемся от ложных светил небосводе». И заключает: «Без Зболоцкого, без его мучительных метаморфоз, гримас невозможны».

Всех короче выскзался Андрей Битов: «Бортынский стал крупнейшим поэтом 19-го века в 20-м, Зболоцкий стал крупнейшим поэтом 20-го в 21-м».

Но мы отвлеклись, пора вернуться в год 1958-й.

С моё удивительное, пожалуй, тогдашнее стихотворение Зболоцкого — об угасании жизни и новых состояниях души — «Нзакте» (1958):

*Когда, измученный работой,
Огонь души моей иссяк,
Вчера я вышел с неохотой
В опустошённый березняк.*

*На гладкой шёлковой площадке,
Чей тон был зелен и лилов,
Стояли в стройном беспорядке
Ряды серебряных стволов.*

*Сквозь небольшие расстоянья
Между стволами, сквозь листву,
Небес вечернее сиянье
Кидало тени на траву.*

*Был тот усталый час заката,
Час умирания, когда
Всего печальней нам утрата
Незавершённого труда.*

*Два мира есть у человека:
Один, который нас творил,
Другой, который мы от века
Творим по мере наших сил.*

*Несоответствия огромны,
И, несмотря на интерес,
Лесок берёзовый Коломны
Не повторял моих чудес.*

*Душа в невидимом блуждала,
Своими сказками полна,
Незрячим взором провожала
Природу внешнюю она.*

*Так, вероятно, мысль нагая,
Когда-то брошена в глуши,
Сама в себе изнемогая,
Моей не чувствует души.*

По-н стоящему тр гичны строки об утр те нез вершённого труд и об этой н гои мысли, ещё не почувствов вшей души поэт .

Он ощущ л приближение неотвр тимого в полном осозн нии того, к к велики и совершенны его творческие возможности, к к

послушно слово, к к дерзки ещё формирующиеся з мысли.

Он только что отпр вил в путешествие по необъятному зи т-скому м терику своего стр нник Рубрук , в котором, конечно же, содерж л сь нем л я ч сть его собственной души, и фр нцузский мон х гл з ми З болоцкого созер-ц л « мфите тр восточных звёзд»:

*В садах Прованса и Луары
Едва ли видели когда,
Какие звёздные отары
Вращает в небе Кол-звезда.
<...>*

*Там тот же бой и стужа та же,
Там тот же общий интерес.
Земля — лишь клоч небес*

*и даже,
Быть может, лучший клоч
небес. <...>*

*Идут небесные Бараны,
Плывут астральные Ковши,
Пылают реки, горы, страны,
Дворцы, кибитки, шалаши.*

*Ревёт медведь в своей берлоге,
Кричит стервятница-лиса,
Приходят боги, гибнут боги,
Но вечно светят небеса!*

* * *

В н ч ле сентября 1958 год , когд З болоцкий приех л из Т - русы, Ек терин В сильевн уже снов жил н Беговой.

В это время в Москву прибыл с ответным визитом делег ция ит - льянских пис телей. Поэт Яков

Хелемский з помнил дискуссию в Дубовом з ле Дом литер торов. Он был удивлён: З болоцкий, уч стник ит льянской поездки, сидел не в центре, з круглым столом, в сторонке, у стены. Никол й Алексеевич выглядел нев жно, и Хелемский дог д лся: потому и р сположился ближе к выходу. Тут объявили: зн мени тый поэт С льв торе Кв зимодо з немог с сердцем и потому от-сутствует. К нему решили отря-дить небольшую делег цию, что-бы поприветствов ть и пожел ть выздоровления. Н зв ли имен Алигер и З болоцкого. «Никол й Алексеевич вст л и слегк покло-нился, д в я понять, что счит ет для себя честью эту миссию, — пишет Хелемский. — Между тем он явно побледнел. Очевидно, с -мочувствие З болоцкого было т -ково, что н пр влять к больному, д ещё сердечнику, его не стоило. <...> Но З болоцкий поех л к з -хвор вшему гостю. Чувству с мо-сохр нения он предпочёл чувство долг и человеческое уч стие».

Приех в в гостиницу «Мо-скв », М рг рит Алигер и Ни-кол й З болоцкий увидели, к к из дверей с нит ры выносят н носилк х С льв торе Кв зимодо. У него обн ружили тяжёлый инф ркт. З болоцкий почувство-вл сильную боль в сердце и от-пр вился домой. Вызв ли вр ч , и тот пропис л ему постельный режим.

Сын вспомин л, что отец ле-ж л у себя н т хте, чит л, дум л.

Одн жды он попросил Ек те-рину Вильевну под ть в постель снимки, сдел нные после цере-монии нед внего н гр ждения. Никит З болоцкий пишет: отец ккур тно подрез л фотогр фии ножниц ми «<...> и отрез нные полоски с изобр жением орде-н велел выкинуть в помойное ведро». Конечно, это был чисто символический жест, посл нный не столько историческому вре-мени, сколько вечно светящим небес м, перед которыми все р но или поздно предст ют. «По иронии судьбы, — продолж ет сын, — н рекл мной доске фо-то телье п р дн я фотогр фия с орденом кр сов л сь ещё долго после смерти поэт . А вот этого-то он и боялся. Он хотел предст ть перед потомк ми т ким, к ким, в сущности, и был: без житейской суетности и мелкого тщесл вия. Несмотря н “дурную” соци ль-ную почву, н которой ему прихо-дилось взр щив ть свою поэзию, он верил, что в ней-то, в поэзии, он сумел постоять з себя. И это созн ние творческой победы было для него лучшей н гр дой». ...Д и орден-то, вспомним, д ли з пе-реводы, не з собственные сти-хи; з стихи же д ли — срок.

В первых числ х октября его состояние ухудшилось, с постели он не вст в л.

6 октября, лёж , З болоцкий сост вил своё Литер турное з ве-щ ние, определив сост в стихот-ворений и поэм, предн зн ченных к своему «полному собр нию».

Жене, дежурившей возле него, спросив о том, что ему хотелось бы ещё успеть. В письмах Ектерины Васильевны это осталось: «Он говорил, что ему не до двенадцати лет жизни, чтобы написать трилогию из поэмы “Смерть Сокрытой”, “Поклонение волхвов”, “Стеллины”. Меня удивил тем третьей поэмы. Николай Алексеевич стал мне объяснять, что Стеллины — сложная фигура на стыке двух эпох. Разделённый со стороны этикой, моралью, культурой было ему нелегко, так как он с малости вырос. Его воспитала Грузия, где привиты были лицемерные, корыстные, жестокие нравы. Николай Алексеевич говорил, что Хрущёву легче справиться со стороны культурой, потому что в нём её нет».

Если идеи о Сокрытой и Стеллины были новыми, то о поклонении волхвов Зболоцкий задумывался ещё в обэриутской молодости. Липовский записал тогда с ним его слова: «Удивительная легенда о поклонении волхвов, высшая мудрость — поклонение младенцу. Почему об этом не написано в поэме?» Потрясающий по разуму

мыслитель: от греческой золотой античности до наших дней, и в сердцевине — младенец Иисус, з рождение христианства !..

Вечер 13 октября, вспоминает сын, семья провела вместе. «По телевизору смотрели фильм “Летят журавли”. Николай Алексеевич лежал на кровати, чувствовал себя неплохо и был в хорошем настроении».

Утром 14 октября Зболоцкий нарушил запрет врачей и поднялся с постели — пошёл в ванную комнату, побрился. Ему стало плохо, с малости до кровати он уже не мог. Вызванный врач — укол оказался бесполезен.

Последние слова, которые он произнёс, были:

— Я теряю сознание...

Напротив стола Николай Алексеевич Зболоцкий оставил чистый лист бумаги. В нём всего три слова :

«1. Птицы, животные, насекомые.

2.»

Это были последние слова, которые написал поэт.